

Цинь Мэн

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
РУССКОГО КИНОДИСКУРСА НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК:
НА ПРИМЕРЕ КИНОКОМЕДИИ «СЛУЖЕБНЫЙ РОМАН»**

Освещены проблемы адекватной передачи русской картины мира в переводном китайском кинодискурсе на примере кинокомедии «Служебный роман». Кинофильм является не только способом заглянуть в мир другой культуры, но и обнаруживает те лакуны, которые неизбежно возникают в ходе перевода. Акцентируется внимание на специфике использования русских имен в китайском переводном кинодискурсе, показываются особенности перевода кинодиалогов с использованием устойчивых выражений, попытки подбора адекватных эквивалентов в китайской лингвокультуре. Отмечены способы передачи русских устойчивых выражений средствами китайского языка. Объяснено, почему именно этот фильм получил такой большой отклик в китайской аудитории, несмотря на сложность его перевода на китайский язык.

Ключевые слова: кинодиалог, лакуны, «Служебный роман», русский язык, китайский язык.

Qin Meng

**ETHNOCULTURAL FEATURES OF THE TRANSLATION
OF THE RUSSIAN FILM DISCOURSE INTO CHINESE:
ON THE EXAMPLE OF THE COMEDY “OFFICE ROMANCE”**

The article is devoted to the problems of adequate transmission of the concepts of the Russian picture of the world in the translated Chinese film discourse on the example of the comedy «Office Romance». A movie is not only a way to look into the world of another culture, but also reveals those gaps that inevitably arise during translation. The author focuses on the specifics of the use of Russian names in the Chinese translated film discourse, showing the features of the translation of film dialogues using stable expressions and attempts to select adequate equivalents in Chinese linguoculture. The author also draws attention to the ways of transmitting Russian stable expressions by means of the Chinese language. The author explains why this film received such a great response from the Chinese audience, despite the complexity of its translation into Chinese.

Keywords: film dialogue, lacunae, “Office romance”, Russian, Chinese.

Переводной дискурс в последнее время очень востребован в связи с усилением глобализации и необходимостью понимать собеседника на другом языке, поэтому интерпретация смысла исходного текста и создание эквивалента на другом языке являются одними из главных задач современной лингвистики. Актуальность предлагаемого исследования связана с тем, что рост со-

циально-экономических контактов между Россией и Китаем подстегивает интерес к изучению этносоциокультурных особенностей стран. Так, еще в начале XX века русская культура и русский кинематограф сыграли значительную роль в становлении китайского кинематографа [1], поэтому интерес китайского зрителя к русскому кино закономерен и ожидаем. В связи

Этнокультурные особенности перевода русского кинодискурса на китайский язык:
на примере кинокомедии «Служебный роман»

Цинь Мэн

аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета. Российский университет дружбы народов, Москва. Сфера научных интересов: кинодискурс, компаративистика, переводоведение, лексикология, семантика, теория языка. Автор 1 опубликованной научной работы.
Электронная почта: 3063211605@qq.com

с этим мы считаем, что необходимо знать те кинофильмы изучаемой лингвокультуры, которые могут помочь в понимании менталитета другой страны. Например, в начале XX века русские кинематографисты запечатали знаковые моменты из традиционной китайской жизни в Харбине и Северо-Восточном Китае [1]. Усиливающаяся тенденция к сотрудничеству между Китаем и другими странами стала пусковым моментом для реализации иностранных фильмов на китайском кинорынке. Так, Чанчуньская киностудия только в 90-е годы XX века осуществила перевод свыше 700 зарубежных кинофильмов, в том числе более 200 фильмов на русском языке [2], и этот процесс продолжается и в XXI веке. Сегодня мы видим усиление контактов между Россией и Китаем, поэтому обучение переводчиков переводу кинодискурса является одной из важных задач, поскольку помогает понять сложность русской души. Целью нашей статьи является выявление особенностей перевода русского кинодискурса на китайский язык на примере кинокомедии Э.А. Рязанова «Служебный роман».

Перевод кинодиалогов исследователи относят к уникальному виду искусства, который имеет схожие черты с художественным литературным переводом [3]. Переводчик при переводе фильмов сталкивается с проблемой подбора эквивалентов образов, относящихся к разным лингвокультурам [4; 5], не допуская когнитивных искажений

при передаче смыслов, чтобы реципиент как носитель реалий другой этноязыковой картины мира смог понять чувства, эмоции и переживания героев [5; 6; 7].

В диалогах героев российских кинофильмов широко используются фразеологизмы, пословицы и поговорки, чтобы четче обрисовать внутреннюю картину мира с ее специфическими чертами и фоновыми знаниями о мире, что помогает понять ту или иную сцену в фильме. В этом плане советский кинофильм «Служебный роман» (1974) не является исключением, показывая устоявшиеся стереотипы о чиновнике в русской языковой картине мира [8]. Например, всем известна сцена, в которой пронырливый Самохвалов советует своему бывшему однокласснику, а ныне коллеге-подчиненному Новосельцеву влюбиться в себя директора и «брать быка за рога». Этот экспрессивный фразеологизм, который обозначает решительное и/или немедленное действие, понятен китайцам, поскольку имеет аналоги в китайской картине мира: 抓住要害 [Zhuāzhù yàohài] («ближе к делу») и 擒賊先擒王 [Qín zé xiān qín wáng] («сначала поймай главаря»), то есть «в любом деле начинай с главного».

При осуществлении киноперевода специалист сталкивается с проблемой: китайская лингвокультура не настроена на решительное действие, скорее на поступательное движение в духе политики «мягкой силы» и конфуцианских стратагем,

однако имеет в своем арсенале некоторые приближенные аналогии. Для передачи смысла фразы Самохвалова кинопереводчик использовал китайский фразеологизм 抓住要害 [Zhuā zhù yàohài] («ближе к делу») как более нейтральный по окраске и менее экспрессивный.

Такая замена, на наш взгляд, обусловлена тем, что в китайской картине мира понятие «бык» имеет неоднозначные интерпретации. С одной стороны, китайцы с почтением относятся к корове, но, с другой стороны, они отрицательно относятся к быку, который считается олицетворением настырности, упрямства. Это особенно ярко видно в китайской поговорке 初生牛犊不怕虎 [Chūshēng niúdú bùpà hǔ] (дословно «новорожденные бычки не боятся тигров») в значении «молодость не знает страха». Однако второе устойчивое китайское выражение имеет больше значений, поэтому во избежание когнитивных искажений в ходе киноперевода был использован китайский фразеологизм 抓住要害 [Zhuā zhù yàohài] («ближе к делу»), который более приемлем в корпоративном общении. Таким образом достигается прогнозируемая эмоция, которая подготавливает аудиторию к вполне объяснимым реакциям на те или иные сцены кинофильма, также перенося их на подобного рода ситуации в реальной жизни, что вызывает интерес зрителей как к самому кинодискурсу, так и к России в целом.

В ответ Новосельцев также использует устойчивое выражение «подкреплюсь и начну метать бисер», которое передается близкой по значению китайской фразой 对牛弹琴 [Duìniú tánqín] («играть на пианино перед коровой»). Используемое выражение «метать бисер» является усеченным библейским фразеологизмом «не мечите бисер перед свиньями, да не попрут его ногами», который означает,

что нет смысла тратить слова на тех людей, которые не хотят или не могут понять вас. Новосельцев тем самым показывает, что он идет выполнять безнадежное дело – общаться с человеком, который априори его не поймет. В христианской, а впоследствии и в русской культуре свинья – символ духовной грязи, обозначение бесов, чертей и людей, одержимых пороками. В китайской же культуре этот смысл отсутствует, поскольку свинья почитается особо и считается символом богатства, плодородия и благополучия под влиянием буддистского канона животного цикла. Неслучайно Новосельцев считает Калугину ограниченным и жестким человеком, приписывая ей следующее отношение к детям: «Она в принципе не знает, что на свете бывают дети. Она уверена, что они появляются на свет взрослыми, согласно штатному расписанию, с должностью и окладами». Говоря так о Калугиной, Новосельцев тем самым обесценивает ее как женщину, акцентируя внимание на ее качествах как работника и руководителя. Иными словами, по мысли Новосельцева, Калугина отторгает женское начало вообще. Такое позиционирование находит понимание и одобрение в китайской аудитории, и эта фраза в китайском переводе звучит как «她根本不知道这世界上还有孩子, 她认为都是跟着机关编制出生的, 按职务, 按级别工资入座的。[Tā gēnběn bù zhīdào zhè shìjiè shàng hái yǒu hái zi, tā rènwéi dōu shì gēnzhe jīguān biānzhì chūshēng de, àn zhíwù, àn jí bié gōngzī rùzuò de] («Она даже не знала, что бывают дети, по ее мнению, все родились в рамках организации, и им платили в соответствии с их должностями и званиями»). В китайском переводе комичный эффект оказывается сильнее, чем в русском оригинале. Эта фраза Новосельцева находит большой отклик в китайской

Этнокультурные особенности перевода русского кинодискурса на китайский язык:
на примере кинокомедии «Служебный роман»

аудитории, поскольку те права, которые получили китайки в эпоху политики «одна семья – один ребенок», способствовали стремлениям китайнок сделать карьеру, игнорируя семейные традиции и ценности. Не случайно китайская поговорка гласит: «养女儿就像灌溉别人的田地 [Yǎng nǚ'ér jiù xiàng guàngài biérén de tiándì] («вырастить дочь – всё равно что оросить чужое поле»). Следует отметить, что китайская лингвокультура в целом настроена на использование языковой игры [5], поэтому даже в переводных кинодиалогах есть отсылки к китайскому паремиологическому фонду языка, что демонстрирует важность заключенной в паремиях информации [7].

Непринужденное общение между начальником и подчиненным, между Самохваловым и Новосельцевым, не является для китайской культуры нормой, поэтому представленное в фильме русское корпоративное общение вызывает вполне объяснимый интерес и в некоторой степени культурный шок, что может провоцировать ошибки в межкультурном общении, когда китайцы пытаются использовать аналогичный формат общения (панибратский, свободный) в реальной жизни с русскими компаньонами. Например, китайский зритель не может понять и принять тот факт, что в корпоративной среде допустимо использование при общении сотрудников уменьшительно-ласкательных форм имен (Юрочка, Наденька, Верочка, Шурочка), либо сокращенных форм имени (Юра, Надя, Вера), либо только фамилий («Верочка, пригласите ко мне Новосельцева!»; «Вы слышали новость про Самохвалова?!» и др.), принимая это за специфику русского корпоративного общения. В дальнейшем это чревато усугублением ошибок вследствие нарушения норм стилистики и речевого этикета. Вместе с тем

мы наблюдаем несоответствие образов чиновника в русской [8] и в китайской лингвокультурах.

В китайской культуре полная формула обращения не трехчленная, как в русском языке, а двухчленная, состоящая из имени и фамилии, при этом предпочтительным является обращение по фамилии, поскольку понятие рода, семьи для китайцев имеет большее значение, чем отдельный индивидуум. Поэтому использование просто имени в корпоративной культуре невозможно, не говоря уже об уменьшительных формах имен. Однако имена собственные в их различных вариациях активно используются в русском кинодискурсе, ставя перед переводчиками сложную задачу передачи имен возможностями другого языка, в котором такая вариативность отсутствует.

Отдельную сложность представляют для перевода отчества, когда вместо имени-отчества используется лишь отчество, да и формула «имя + отчество» также непонятна носителям китайского языка, поскольку сама категория отчества отсутствует в китайской культуре, что вызывает затруднения у тех, кто изучает русский язык. Как правило, начинающие китайские русисты используют в речевой практике либо имя, либо фамилию, либо имя и фамилию. При этом особую специфику добавляет и разница в способах артикулирования доцифровым и цифровым поколениями [9].

Эта ошибка обусловлена тем, что в переводных русских фильмах используется модель «имя + фамилия». Модель «имя + фамилия» используется в кинофильме «Служебный роман», при этом другие альтернативные имена, которые имеют место в оригинале, не используются совсем. Во всех сценах, во всех диалогах в кинофильме мы встречаем лишь формулу «имя + фамилия». На наш взгляд, это

делает общение в фильме больше официальным, поскольку обыгрывание использования форм имени в китайской версии кинофильма остается за кадром вследствие особенностей китайской культуры.

Так, наша работа имеет и теоретическую, и практическую значимость. Теоретическую – поскольку вносит ясность в толкование того или иного выражения, использованного в кинокомедии «Служебный роман», уточняет возможности использования эквивалентной лексики при переводе на китайский язык. Практическая значимость заключается в понимании этносоциокультурной специфики кинодиалогов и использовании их как ролевой модели в межкультурном общении.

Наличие специфики перевода кинофильмов на другой язык позволяет нам говорить о культурно обусловленном

процессе киноперевода, поскольку, если язык кинодиалогов трудно понять, зрители не просто потеряют интерес к фильму, но и могут начать игнорировать страну происхождения кинофильма на своем кинорынке, что скажется на продвижении фильмов на инокультурном кинорынке. Поэтому при переводе кинофильмов переводчики стараются использовать общеупотребительную лексику, чтобы кинофильм был интересен и доступен для понимания любому зрителю.

Кинодискурс, с одной стороны, помогает понять мир изучаемой страны, однако, с другой стороны, отсутствие или недостаточное знание этикетных норм общения может способствовать усвоению неформальных шаблонов общения вследствие этнолингвокультурной разницы между русским и китайским языками.

Литература

1. Ruan Y, Karabulatova I.S. The Experience of the Loss of the Motherland by Representatives of Russian Emigration in the Chinese Provinces (1905–1917). Bylye Gody. 2021. DOI: 10.13187/bg.2021.3.1501 http://ejournal52.com/journals_n/1630573364.pdf
2. Ся Н.В., Ся Цзялян. Трудности перевода названий российских фильмов на китайский язык // Языки. Культуры. Перевод. № 1. 2017. С. 182–189.
3. Яшкина А.А., Зайцева К.А. Переводческие трансформации с русского на китайский язык на примере кинофильма «Иван Васильевич меняет профессию» // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. № 3. 2015. С. 240–243.
4. Карбулатова И.С., Савчук И.П., Родь О.Я., Москвина Д.Я. Предмет и объект как основополагающие принципы теории перевода // Педагогическое наследие И. Алтынсарина в эпоху глобальных вызовов и перемен: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Аркалык: АРГПИ им. И. Алтынсарина. 2021. С. 174–181.
5. Ницзяти А., Карбулатова И.С., Линь Ю., Сайтиева Ф.Б. Сложности межкультурной коммуникации в русско-китайском диалоге: когнитивные искажения или языковая игра? // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта: сб. науч. тр. Междунар. науч. форума, посвященного Всемирному Дню науки за мир и развитие. М.: РУДН, 2020. С. 311–320.
6. Копнина Г.А. Речевая манипуляция в массмедийном тексте/дискурсе: проблема распознавания // Филология и человек. 2021. № 3. С. 30–47. DOI : [https://doi.org/10.14258/filichel\(2021\)3-04](https://doi.org/10.14258/filichel(2021)3-04)
7. Ван Д. Применение принципов кооперации в официально-деловой сфере жизни носителей русского и китайского языка // Мир науки, культуры и образования. 2021. № 4 (89). С. 321–323.

Этнокультурные особенности перевода русского кинодискурса на китайский язык:
на примере кинокомедии «Служебный роман»

8. Заварзина Г.А. Диахроническая модель слова «чиновник» в русском языке: семантические особенности и векторы развития // Русистика. 2021. Т. 19. № 2. С. 155–166.
9. Karabulatova I.S., Aipova A.K., Butt S.M., Amiridou S. (2021). Linguocognitive conflict of digital and pre-digital thinking in online educational discourse during the pandemic: social danger or a new challenge? // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. No 14(10). Pp. 1517–1537. DOI: 10.17516/1997-1370-0836

References

1. Ruan Y, Karabulatova I.S. The Experience of the Loss of the Motherland by Representatives of Russian Emigration in the Chinese Provinces (1905–1917). *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1501–1510. DOI: 10.13187/bg.2021.3.1501 http://ejournal52.com/journals_n/1630573364.pdf
2. Xia N.V., Xia Jialiang. (2017) Trudnosti perevoda nazvanij rossijskix fil' mov na kitajskij yazy' k [Difficulties in translating the titles of Russian films into Chinese]. *Languages. Culture. Translation*. No. 1. Pp. 182–189. (In Russian).
3. Yashkina A.A., Zaitseva K.A. (2015) Perevodcheskie transformacii s russkogo na kitajskij yazy' k na primere kinofil' ma «Ivan Vasil' evich menyaet professiyu» [Translation transformations from Russian into Chinese on the example of the movie “Ivan Vasilyevich changes his profession”]. *Bulletin of the Scientific Society of Students, postgraduates and young scientists*. No 3. Pp. 240–243. (In Russian).
4. Karabulatova I.S., Savchuk I.P., Rud O.Y, Moskvina D.Y. (2021) Predmet i ob` ekt kak osnovopolagayushhie principy` teorii perevoda [Subject and object as fundamental principles of translation theory]. *I. Altynsarin's pedagogical legacy in the era of global challenges and changes*. Arkalyk: ARGPI named after I. Altynsarin. Pp. 174–181. (In Russian).
5. Nijjati A., Karabulatova I.S., Lin Y, Saitieva F.B. (2020) Slozhnosti mezhkul` turnojo kommunikacii v russko-kitajskom dialoge: kognitivny` e iskazheniya ili yazy' kovaya igra? [The difficulties of intercultural communication in the Russian-Chinese dialogue: cognitive distortions or language game?]. *Issues of modern linguistics and the study of foreign languages in the era of artificial intelligence*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. Pp. 311–320. (In Russian).
6. Kopnina G.A. (2021) Rechevaya manipulyaciya v massmedijnom tekste/diskurse: problema raspoznavaniya [Speech manipulation in mass media the text/discourse: the problem of recognition]. *Philology and people*. No. 3. Pp. 30–47. (In Russian). DOI : [https://doi.org/10.14258/filichel\(2021\)3-04](https://doi.org/10.14258/filichel(2021)3-04)
7. Wang D. (2021) Primenenie principov kooperacii v oficial` no-delovoj sfere zhizni nositelej russkogo i kitajskogo yazy' ka [Application of the principles of cooperation in the official business sphere of the life of native speakers of Russian and Chinese]. *The World of Science, Culture and Education*. No 4 (89). Pp. 321–323. (In Russian).
8. Zavarzina G.A. (2021) Diachronicheskaya model` slova «chinovnik» v russkom yazy' ke: semanticheskie osobennosti i vektory` razvitiya [Diachronic model of word “official” in the Russian language: the semantic peculiarities and development vectors]. *Russian Studies*. Vol. 19. No 2. Pp. 155–166. (In Russian).
9. Karabulatova I.S., Aipova A.K., Butt S.M., Amiridou S. (2021). Linguocognitive conflict of digital and pre-digital thinking in online educational discourse during the pandemic: social danger or a new challenge? // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. No 14(10). Pp. 1517–1537. DOI: 10.17516/1997-1370-0836